

**Андрей
ВАЛЕНТИНОВ**

АРГЕНТИНА

Книга 2

КРАБАТ

Харьков
«Фолио»
2017

Повсюду наши флаги будут реять скоро!

Подражание Вильяму Шекспиру и Бертольду Брехту

Б е с н о в а т ы й:

Судеты наши! Предков славных край, отторгнутый злодейскую рукою, сегодня возвращен. Но не войной — война мне ненавистна. Только волей немецкого народа! Как волна, из черной глубины до звезд поднявшись, сметает на пути своем преграды, так и восстание наших кровных братьев обрушило за час державу чехов, предателей и трусов, неспособных оружием защитить пределы края. Так пусть же бьются радостно сердца! Зима исчезла — и настало лето!..

Н а р о д:

Победе — слава! Ныне — и всегда! Да здравствует победоносный фюрер!

Б е с н о в а т ы й:

Я принимаю вашу благодарность. Народа сын, познавший хлад и голод, я защищал наш Фатерлянд в окопах Войны великой, не жалея крови, и вражьей, и своей. Тогда мы были на ноготь от Победы. Не вина бойцов отважных, что пришла Измена и нож вонзила в спину. Я упал, и мы упали все, но снова встали. Моя борьба! Мы начинали в полночь, немую, словно старая могила, и черную, как смертный приговор. А ныне ясный полдень светит нам! Свободен путь для наших батальонов, свободен путь для штурмовых колонн!..

Н а р о д:

...Глядят на свастику с надеждой миллионы. День тьму прорвет, даст хлеб и волю он!

Бесноватый:

Так есть и будет! Путь великий наш продолжим смело. Прочный мир в Европе от Бреста до Урала — наша цель. И мы ее достигнем! Вижу я не Чехию, фантом затей версальских — Богемию, исконный немцев дом. Швейцария, обитель плутократов, народ немецкий ставит ни во что. Нам ли терпеть? Протянем братьям руку! А дальше — Мемель. Он — наследье предков, обильно землю кровью напитавших. Та кровь в сердцах — и в ваших, и в моем. В последний раз сигнал сыграют сбора! Любой из нас к борьбе готов давно...

Н а р о д:

...Повсюду наши флаги будут реять скоро, неволе длиться долго не дано!

Бесноватый:

И пусть не лгут, что мы несем войну! Ее мы не хотим — но не страшимся. Французам — мир, когда не помешает нам Франция вступить в пределы наши. Не то ей кровью истекать, а нам, бичу Господня гнева, — покарать за гордость тех, кто на дороге встанет. Мир Англии, когда ее войска останутся на острове навеки. России — мир, но пусть забудет путь из Азии в Европу, и окно, царем Петром пробитое когда-то, прочнее заколотит. Миру — мир! Но если все враги, в безумье впад, обрушатся на нас — тогда и Небо подмогой нашей будет. И падет на землю вражью красная планета, взметнув потоки раскаленных магм. И Рагнарёк придет, и волк поглотит и Солнце, и Луну, неся отмщенье. Победе — слава! Да живет наш Рейх! Тысячелетний Рейх — мечта германцев!

Н а р о д:

Победе — слава! Фюрер! Фюрер! Фюрер!¹

¹ Время действия книги — лето 1936 года. В нашей реальности Судетский кризис и последующие события произошли два года спустя. «Аргентина» — произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

Глава 1

Ночь нежна

Женщина и тень. — Кому идти на Эйгер. — Общество Морских Купаний. — В Шварцкольме нет мельницы. — Побатальонно — в южные края. — «Я-а ста-а-арый профе-е-ессор!» — Париж остается Парижем. — Кури и «Kurz». — Что мы узнаем завтра?

1

...Ангел Смерти — никому не известно, каким будет его лицо. И когда он впервые приходит, его не могут узнать...

— Я хочу поскорее подружиться с твоей дочерью. Сколько ей уже? Десять?

— Десять. Совсем взрослая. Мне иногда даже страшно.

Море осталось далеко внизу. Гора, темный неровный склон, за ним — огни городских кварталов, светящаяся гирлянда кораблей в бухте. Еще дальше, над самым горизонтом — еле заметная полоска заката.

— Она научилась читать в четыре года. Пришлось прятать книги. Я долго уговаривала ее начать со сказок, а не с «Истории финансовой мысли» Зонненфельса. Уговорила... на свою голову.

— Надо подбирать правильные сказки!

День ушел, уходит и вечер. Мать-Тьма вот-вот неслышно шагнет из-за черных гор. Здесь же — пустое шоссе, запах остывающего асфальта, густой хвойный дух, ровный чистый гравий под ногами. Смотровая площадка — двадцать шагов на десять.

— Помнишь «Снежную королеву»? Да-да, Андерсена. Она прочитала и спросила: «Мама, а что дальше?»

— А что дальше? Кай и Герда вернулись домой, вспомнили любимый псалом про Христовы розы. Наверняка поженились, а потом жили долго и счастливо.

Авто — светлое лупоглазое чудище с трехлучевой звездой на капоте и серебристыми дудками-клаксонами¹. Мотор выключен, радио работает. Диктор читает новости, но слушателей нет. Пассажиры, он и она, отошли к самому краю, к неровной каменной балюстраде, нависшей над обрывом.

Слева он, она — справа.

— «Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!»² Наизусть помню. А моя дочь рассудила иначе. Герда быстро поняла, что Кай ей совершенно не нужен. Ей было интересно его искать — и не больше. А Каю стало очень скучно в маленьком провинциальном Копенгагене. В конце концов Герда вышла замуж за соседа-моряка и уехала в Америку, а Кай вернулся к Снежной Королеве, и они стали жить вместе... Когда дочь это придумала, ей было шесть лет.

На женщине — брючный костюм по последней моде: белые расклешенные брюки, приталенный черный пиджак, пестрый шейный платок (широкий узел, цветные квадратики вперемешку). На безымянном пальце левой, поверх тонкой ткани — массивное кольцо с черным египетским саркофагом. Мужчина... Его не разглядеть, неслышно шагнувшая из-за гор Мать-Тьма укрыла человека своим тяжелым пологом.

— Теперь ей десять. «Историю финансовой мысли» уже осилила?

— Давно... Никак не уговорю ее бросить курить. Какой-то ужас! У нас в семье никто ни курит, ни я, ни муж...

Днем здесь фотографируют. Вечером и ночью — объясняются в любви. Лучшего места не сыщешь: пустое горное шоссе-серпантин, умирающий закат у самого горизонта, а над головами — недвижимый купол темных небес. Никто не помешает, ни Мать-Тьма, ни сама Смерть.

— Мальчишка тебя недостойн. Я не сделаю ему ничего плохого, но о тебе он забудет. Навсегда! Считай, что в тот вечер ты просто не пошла на концерт.

¹ Все упоминаемые в тексте автомобили и мотоциклы не более чем авторский вымысел.

² Здесь и далее сказка Г. Х. Андерсена «Снежная королева» цитируется в переводе А. В. Ганзен.

— «Серенады Джека Картера», второй ряд, седьмое место... Хочешь отменить Прошное? А что взамен?

— Взамен? Старушки Европы уже мало? Но ты права, вдвоем мы способны на большее.

Обшитая темным бархатом коробочка — посреди широкой мужской ладони. Неяркий блеск золота высокой пробы.

— Кольца... Они очень красивые. Очень!

Женщина смотрит, но не прикасается, словно боясь спугнуть. Руки в легких белых перчатках лежат на теплом камне балюстрады.

Смерть не подает голоса — стоит рядом.

Слушает.

2

О Северной стене Эйгера не имело смысла даже мечтать.

Андреас Хинтерштойсер, горный стрелок и скалолаз-«категория шесть», понимал, что их с другом-приятелем Тони взгреют. Опоздали из увольнения, случился грех. Но не так же!

— Четыр-р-ре писсуар-р-ра в здании пер-р-рсонала, две убор-р-рные в пятом бар-р-раке и... и еще пол в офицер-р-рском казино, — добродушно прорычал обер-фельдфебель. — Не сжимайте кулаки, Хинтер-р-рштойсер-р-р, у меня пер-р-рвый р-р-разр-р-ряд по боксу. Это — ар-р-рмия, гор-р-рные стр-р-релки, здесь даже бавар-р-рцы начинают любить наш общий Фатер-р-рлянд. А для особо упер-р-р-тых имеется тр-р-рибунал. Хочу напомнить — идет война¹.

Кулаки Хинтерштойсер разжал. Язык прикусил. Рядом молчал Тони Курц, тоже «категория шесть» и тоже на свою голову — горный стрелок.

— Хор-р-рошей ночи, господа!

Обер-фельдфебель желтозубо оскалился. Немного подумал — и сплюнул на пол. Негромко хлопнула дверь.

...Sitzungssaal во всей красе, грязный пол, две лампочки под потолком, потрескавшийся кафель, ночь за окнами... Позавчера они

¹ Здесь и далее будут приводиться цитаты из замечательного художественного фильма «Nordwand», режиссер Филипп Штёльцль.